

Минута-другая

— А! Вот мое место! Здравствуйте! — в дверь купе просунулась голова молодой женщины с искусно уложенными волосами, изображающими небрежность прически. Женщина присела на полку напротив меня и плюхнула рядом дорожную сумку-саквояж среднего размера.

Я не обрадовалась. Не сезон на южном направлении, и я думала, что в купе вагона СВ окажусь одна, а тут такое соседство. Досадно.

— Наташа! — звонким голосом отрапортовала она и вопросительно посмотрела на меня, ожидая услышать мое имя.

— Ирина Геннадиевна! — сухо представилась я.

— Через сколько, не знаете? — Наташа стала рыться в небольшой дамской сумочке, не сняв ремешок с плеча, наконец вынула телефон, посмотрела на него и положила обратно. — Я же отключила... Забыла! Сколько еще до отправления?

Я резко выбросила вперед левую руку, чтобы наручные часы выползли из-под рукава кофточки.

— М-м-м... Восемнадцать минут осталось, — ответила я и уставилась в окно, но унылая картина полупустого перрона совсем не привлекла меня.

На столике, сервированном белыми пузатыми чашками и блюдом с несколькими упаковками печенья, лежал журнал. Я потянулась за ним в тот же момент, что и Наташа. Наши руки соприкоснулись, и я отдернула свою.

— Извините. Хотите почитать?

Я ожидала вежливого отказа, ведь, по правде говоря, ей было чем заняться — она еще свой багаж не убрала с полки.

— А что там? — Наташа схватила журнал, взглянула на обложку, воскликнула: — Ну что это? Специально, что ли? — и бросила журнал на столик.

«Истеричка какая-то!» — подумала я и решительно взяла журнал со столика. На обложке красовалась фотография известной певицы N с новоиспеченным мужем, моложе ее, о чем гласила подпись к фото с предложением прочитать подробности об этом союзе на странице такой-то.

— Ну так... Это теперь модно, — как можно менее наставительным тоном сказала я.

Стоило мне промолчать. Наташа мне не понравилась с первого взгляда, и меньше всего я хотела, чтобы она приняла мои слова за приглашение к диалогу, но именно это и последовало.

— А предположить, что это любовь, невозможно, не так ли?

— Предположить? Любовь? Не смешите меня! — мне кровь ударила в виски — как меня затрясло от ее слов: она, конечно, уверена, что разбирается в этом, как большинство людей уверено, что разбираются в искусстве, политике, медицине — вещах, требующих глубокого специального образования.

— Я знаю вас!

— Меня? — я искренне удивилась абсурдности такого утверждения, но, не желая показать, насколько взбешена ее наглостью и явной ограниченностью, — что она обнаружила ранее своими глупыми заявлениями (ну не наивность же это?), — заставила себя улыбнуться. Я бы никогда не водила дружбу с подобной дамочкой (и даже сослуживиц таких у меня не было), яркой и, можно сказать, даже красивой, с подвижной мимикой на ухоженном лице, одетой в брендовое барахло, надушенной

явно дорогим, но, правда, довольно приятным ароматом, но абсолютно чуждой мне самим фактом своего существования. Я очень надеялась, что в моей улыбке Наташа увидит то, что я заставила себя испытывать к ней: терпение и снисходительность. Я постаралась смотреть на нее как на одну из своих пациенток. Хотя я не врач, но все же психолог по второму образованию, мои профессиональные принципы предписывают помощь, а не осуждение.

— Не вас. Я знаю таких как вы, — это было сказано Наташей примирительным и, пожалуй... также снисходительным тоном. Мне снова стоило промолчать, но...

— Может, вы объясните свои слова, Наталья?

— Вы не замужем, — и прежде, чем я успела расхохотаться ей в лицо, она продолжила: — Даже если вы формально замужем, вы — не замужем. Вы — одна. Самодостаточная, неуязвимая уже оттого, что закованы в броню «знаю, как правильно». Вы уяснили истину раз и навсегда. А знаете, в чем она, ваша истина? Она — в середине! Середина — это то, что вы признаете. Среднее состояние — удобное для социума и единственно возможное для его же удобства. Выше — талант, ниже — слабоумие. И так во всем. Все, что не является близким по духу середине, вызывает неприятие в лучшем случае, а в худшем — отвращение. Середина — это домашние тапочки, они умиротворяют душу.

— Минуточку, минуточку. Это все... спорно, хоть и не

бессмысленно, но какое отношение это имеет к вашему заявлению...

— Как это было, Ира... Геннадьевна? Как это было тогда, давно?

Он вас разочаровал, бросил, променял, предал? Только честно, Ира! Я вижу таких как вы — вас слишком много в этом городе. На ваших лицах — интеллект, развитый выше надобности. У вас нет мужчины, потому что вы не видите равного себе, вы любого заткнете за пояс после пяти минут беседы. Вы жизнь положили на то, чтобы подняться над мужчиной, стать на ступеньку выше. И поиски счастья вы заменили чувством абсолютной гармонии в себе. Эта снисходительность на вашем лице... неприятна! Она выдает в вас либо несчастливую женщину, либо... психолога... по недоразумению.

— К вашему сведению, Наталья, да, я психолог!

— Не сомневаюсь! Стать психологом со скрытой мотивацией разобраться в себе, зарабатывая деньги на других — это очень по-вашему. Когда женщина молится на середину — а это ваш бог — она перестает быть женщиной, но и не становится мужчиной. Она — среднее, и это убило бы ее, если бы не удовлетворило. Вас удовлетворило, и вы стали апологетом середины.

— Какой сумбур!

— Когда вы рыдали, рыдали отчаянно в последний раз? Вы помните, когда это было?

— Странный вопрос, при чем тут...

— У меня с ним такая же разница в возрасте, как у этой певицы с обложки. Мы могли бы любить друг друга, если бы не эта ваша давящая на все середина. Мы пытались спрятаться от нее. Но она вползала в душу, как едкий дым вползает в дом через самые маленькие щели! Мы расстались, потом соединились... Потом снова расстались с полным ощущением, что связаны ужасно крепкими путами! Это... тяготит, но это — жизнь!

Жизнь, а не кокон, в котором вы находитесь. И вы полагаете, что он незаметен для других?

Я поежилась.

Пожала плечами.

Что я могла ей возразить. Она не прицеливалась, а попала в самую точку.

Минуту или чуть больше мы обе делали вид, что никакого разговора не было: я листала журнал, совершенно не в силах заставить себя вникнуть в содержание или хотя бы остановить взгляд на какой-нибудь конкретной картинке. Я не смотрела на

Наташу, то есть не смотрела на ее лицо. Я делала вид, что читаю, и в таком положении я могла видеть только нижнюю часть ее тела: она несколько раз поменяла ноги, закидывала одну на другую — и только.

— Сколько до... А! Ладно! Наверное, сейчас поедem уже, — Наташа опять достала из сумки телефон и стала нажимать кнопки, чтобы включить.

Экран телефона засветился, тут же раздался звонок. Наташа вздрогнула, словно обожглась, и чуть не выронила телефон из рук, впрочем, тут же отключила звук, убрала телефон в сумку и положила на нее руки. Телефон глухо гудел и вибрировал — чуть вздрагивали ее пальцы, ее ладони заскользили по кожаной поверхности, разглаживая ее, пожалуй, даже ласково, будто успокаивали.

— М-м... Сколько до отправления? — она посмотрела на меня: бессмысленная улыбка, рассеянный взгляд — слишком странно — наивное выражение сковало ее лицо, делая его подобным маске. Мне стало не по себе.

Это... это не было театром. Наташа бессознательно защитилась этой гримасой от боли, принесенной ей не ответченным звонком.

— Наташа, это ведь... он?

— Он, — ответила она, не поменяв ни позы, ни выражения лица. Она словно застыла, шевельнулись только губы: — Не думала, что он узнает так быстро. Я оплатила билет его картой. Это... это было машинально. Последнее время у нас опять было все общее и...

— По-моему... — видя ее состояние, я включила профи и начала фразу твердым уверенным тоном, но внезапно... сама не знаю, что меня дернуло... посмотрела в окно. У колонны, чуть прислонившись к ней плечом, стоял молодой мужчина. Его не было здесь раньше, я уверена, что запомнила бы его, когда смотрела на перрон из окна купе. Он был вызывающе хорош собой. Ничего по отдельности, но все вместе: все, во что он был одет, его расслабленная поза, он явно никого не ждал и не провожал (что странно на вокзале), мягкая бородка (нечто большее, чем модная щетина), волнистые волосы и глаза... сверкающие гневом глаза, глядящие прямо на меня.

Я отшатнулась от окна.

— Ну, собственно, еще пара-тройка минут, и...

Я не знала, сказать ли ей.

Наташа все так же сидела напротив и смотрела на меня. Она

перевела взгляд в сторону окна. Она увидела его, но ничего в ее лице не поменялось.

— Наташа! Иди к нему! Сейчас же! — я подумала это или прошептала, но сама немало поразила своим словам.

— Знаете, Ирина, — протянула Наташа певуче, словно боясь резким голосом разрушить выражение своего лица, — все это... Наташа встала резко, волчком скрутившись вокруг собственной оси, так, что я не успела уловить — скользнул по мне край ее одежды или мне это только показалось. В следующую секунду ни ее сумки-саквояжа, ни ее модной прически, ни ее самой уже не было в купе.

Я не смогла себе потом объяснить, отчего стоило Наташе покинуть купе, я почувствовала как бы вмененную мне кем-то за нее ответственность.

Совершенно не стесняясь своего интереса, а лишь с целью удостовериться, что Наташа успела сойти с поезда и это действительно тот, о ком она говорила, я заняла позицию наблюдателя у окна.

Она подошла к молодому мужчине быстро, почти подбежала, но он даже не оторвал свое тело от колонны. Он ничего ей не сказал — я бы увидела, если бы его губы зашевелились. Наташа уронила дорожную сумку, а может, просто бросила ее под ноги. Я видела ее в профиль: она также молчала. Он поднял ее сумку и, повернувшись к ней спиной, пошел по платформе. Я тут же пересела на Наташину полку, иначе мне бы не удалось ничего больше увидеть. Наташа стояла несколько секунд, глядя, как он удаляется, а потом поспешила за ним, догнала и взяла его за свободную руку. В этом жесте было нечто трогательное и... детское.

Он тут же развернулся, опустил ее сумку на асфальт и схватил Наташу в объятия. Вероятно, он целовал ее. Я видела только спину Наташи и его руки. Они то обхватывали ее талию, то взлетали к плечам, голове, зарывались пальцами в ее волосы,

исчезали, прикасаясь, вероятно, к лицу. Этого я уже видеть не могла.

Поезд все еще стоял. Минута, другая... Какие они разные, эти минуты: внутри поезда и вовне его. У меня застучало сердце, будто не Наташу сжимали в объятиях, а... меня.

Поезд тронулся, и я очнулась: возможно, я наблюдала эту сцену несколько дольше, чем позволяет профессиональная этика, и неважно, что никто этого не видел, достаточно, что я сама знаю это, «знаю, как правильно», но...